

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 8
2008

УЧРЕДИТЕЛЬ ИЗДАНИЯ:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-14-171 от 20.12.2002 г.

Адрес редакции: Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«Челябинский государственный педагогический университет»,
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

Редакция журнала «Вестник Челябинского государственного педагогического университета»
e-mail: vestnikvak@cspu.ru

Главный редактор: **В. В. Латышин**, профессор.

Заместители главного редактора: **А. В. Усова**, академик РАО; **В. В. Базелюк**, профессор.

Ответственный редактор: **Е. Ю. Никитина**, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аменд А. Ф. – доктор педагогических наук, профессор

Гашева Л. П. – доктор филологических наук, профессор

Долгова В. И. – доктор психологических наук, профессор

Маркова Т. Н. – доктор филологических наук, профессор

Матрос Д. Ш. – доктор педагогических наук, профессор

Никитина Е. Ю. – доктор педагогических наук, профессор

Усова А. В. – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор

Шибкова Д. З. – доктор биологических наук, профессор

Шиганова Г. А. – доктор филологических наук, профессор

ISSN 1997-9886

УДК 821 (470)

ББК 83.3 (2)

Зайцева Татьяна Ивановна

кандидат филологических наук,

доцент

г. Ижевск

Zaitseva Tatyana Ivanovna

Candidate of Philology,

Assistant Professor

Izhevsk

**Современная удмуртская проза и фольклор:
особенности взаимодействия, национальная специфика
Modern Udmurt Prose and Folklore:
Interaction Peculiarities, National Specific Features**

Активизация мифотворческих тенденций в современной удмуртской прозе рассматривается как новый этап взаимодействия национальной литературы и фольклора. На примере анализа произведений О. Четкарева, Никлада Самсонова и Г. Романовой раскрываются особенности художественного моделирования действительности в процессе осмысления писателями древнейших представлений народа. Использование мифологической образности осмысливается как проявление национальной специфики литературы.

An active use of mythological motives and characters in modern Udmurt prose is considered as a new stage of national literature and folklore interaction. On the examples of the analysis of works by O. Tchetkarev, N. Samsonov and G. Romanova the peculiarities of artistic transformation of reality in the process of writer's understanding of ancient believes of nation are revealed. The use of mythological figurativeness in literary works is understood as a display of national specific features of literature.

Ключевые слова: удмуртская литература, мифопоэтика, мифотворчество, фольклор, традиционализм, ценностные ориентации.

Key words: Udmurt literature, mythopoetics, mythological motives, folklore, traditionalism, value orientation.

Анализируя современное состояние национальных литератур народов России, исследователи говорят о повышенном интересе авторов к древнему народному творчеству, мифологии. Наиболее заметным явлением в удмуртской литературе последних лет стало создание ряда произведений, основанных на авторской приверженности к родовому началу. Внимание писателей привлекает проблема разрыва человеческих связей и родственных взаимоотношений, осмысляемая в их произведениях как характерная и угрожающая миропорядку примета времени. При этом речь идет не только о разрушении стержневых начал в современном человеке, обрыве «нити времен», но и о тех национальных нравственно-эстетических категориях, над которыми не властно время.

Если ранний период становления удмуртской литературы характеризуется ярко выраженным «стилистическим» подходом к фольклорному тексту (Кедра Митрей «Секыт зибет» – «Тяжкое иго», 1929; М. Коновалов «Гаян», 1936 и др.), а в романах и повестях «производственной» или «деревенской» тематики более поздних лет (Г. Перевошиков «Йыбыртты музъемлы» – «Поклонись земле», 1977; С. Самсонов «Дыдыкьес бус полы уг йыромо» – «Голуби с пути не сбиваются», 1979 и др.) «свадебные, похоронные обряды, национальные праздники носят оттенок этнографического описания» [2, с. 159], то для прозаиков новой литературной волны перестроечных и постперестроечных лет свойственно стремление подвергнуть творческому переосмыслению обобщения, заключенные в фольклорных представлениях народа, использовать символику, условные образы, метафоры.

Мифотворческие тенденции в современной удмуртской прозе отчетливее всего, пожалуй, воплотились в тексте повестей О. Четкарева «Чагыр но дыдык» («Сиз да голубь», 1989) и «Кычес» («Петля», 1993), Никвлада Самсонова «Адзон» («Доля», 1991), Ф. Пукрокова «Кизили ныл» («Дочь звезды», 1997), Н. Никифорова «Эзель ваись быркыт» («Коршун, приносящий несчастье», 2004), сказок для взрослых Л. Малых «Васька кочыш но Чульым шыр» («Кот Васька и мышонок Чульым», 1998), и Г. Романовой «Сьод ты но Улэп турын» («Черное озеро и Живая трава», 1991), рассказов В. Ар-Серги, У. Бадретдинова, Л. Нянь-

киной и др. Воздействие фольклора в названных произведениях проявляется не только в связи с изображением деревни, пейзажа, национальных обычаев, верований, крестьянского мироощущения, но и в связи с желанием писателей проникнуть в специфику жанров народного творчества, их структуры, приемов, средств. Авторы скрупулезно и тщательно пытаются обнажить в сознании и психике своих героев то первичное и первородное, глубинное и потаенное, что и является одним из способов мифологического освоения национальной литературой современного мира. В произведениях удмуртских писателей миф почти не представлен в своей непосредственной функции, мифологический пласт обнаруживает себя в самобытном синтезе с фольклорными структурами и построениями.

Особенности использования в национальной прозе мифологической образности наиболее ярко проявились в повестях О. Четкарева (1955) «Сиз да голубь» и Никвлада Самсонова (1946–2002) «Доля», а также во «взрослой» сказке Г. Романовой (1950) «Черное озеро и Живая трава».

В основе повести О. Четкарева «Сиз да голубь» – художественное исследование наболевшей проблемы ухода сельчанина-удмурта в город в поисках работы. Писатель первым в удмуртской литературе заговорил о значимости «родовой памяти» в жизни современного человека и нации. Согласно удмуртской народной традиции, мужчина должен построить дом, посадить дерево, вырастить сына, что знаменует собой источник радости и стабильности человеческого существования. Герой повести Кондий (Кондрат), отслужив в армии, покидает свою неперспективную деревню и оказывается перед необходимостью усвоить непривычный порядок поведения и человеческих взаимоотношений. С первых же страниц повести перед читателем герой, у которого отношения с окружающей действительностью не складываются, ибо «в родимом месте огород не пахан, дерево не сажено, печь не вытоплена, невеста не высватана...» [5, с. 197], а душевная дисгармония заливается водкой. По мысли писателя, человек, покинувший крестьянский коллектив, перестает нести создаваемые веками его народом обычаи и нравственные законы, выстроенную этику. В душе «отпавшего» человека

образуется пустота, он теряет чувство дома, родины, начинает противостоять миру и природе.

Определяющим признаком традиционного социально-бытового, «производственного» романа была его многопроблемность. Повесть «Сиз да голубь» является не «многопроблемной», а «многонаправленной» или «многопластовой». В структуре произведения своеобразно сплелось несколько повествовательных пластов, развертывающихся параллельно и как бы одновременно: история жизни Кондрата, главного героя повести; судьба голубки Сизарочки; жизнь верующей старушки Кирловны; линия раздумий автора о поисках истины, Бога; сны и галлюцинации, воспоминания и реминисценции. Тесно переплетаясь, они соединяют в одно целое разные времена и пространства, сочетают бытовые реалии с вымышленными историями.

Все подспудное, сознательное и бессознательное в душе героя стремится к тому, чтобы в его жизнь пришли слаженность и гармония, в нем все еще теплится надежда на то, что он вернется в родительское гнездо, наладит разорванные связи с родимой деревней Бельчихою. В конце повести Кондий возвращается в родную деревню, но происходит это в ирреальном или фантастическом пространстве. Герой пролетает над умирающей Бельчихою: «А по сторонам пути над могильными памятниками стояли обгорелые печные трубы. <...> Перед глазами почти до горизонта немо расстилалась раздавленная, вздыбленная, покрытая ранами рвов равнина. И огромные, величиною с избу, безглазые жуки бороздили ее вдоль и поперек. <...> Мертвая пустыня оставалась там, где проползали слепые чудовища» [5, с. 246–247]. В обобщенно-символической форме автор представляет читателю страшную картину последствий разрушительных реформ. Постоянные бессмысленные опыты и эксперименты над российским крестьянством в итоге приводят не только к истреблению отдельных деревень, но и к исчезновению всего народа – рода Ожмес, рода Шудья, рода Ватка, Калмез, Дукья, Омга, Пельга и т. д.

Продолжает и развивает эту проблематику символика Древа. В традиции удмуртского народа «великие почитаемые деревья строго охранялись посред-

твом разработанной веками табуации» [1, с. 66]. Четкаревское Древо жизни «десятками, сотнями металлическая прожорливая гнусь атакует... остервенело вгрызаясь в плоть древесного ствола» [5, с. 246–247]. Символика мирового Древа, воплощающая в повести древнюю историю народа, несет в себе идею необходимости восстановления связи времен, возрождения традиционных ценностей, не подлежащих переоценке. Как долго будет стоять Древо жизни народа зависит сегодня от каждого удмурта – Кондрата, Лены, Нины и других.

Параллельно с Кондией воспроизведена жизнь голубки Сизарочки. Образ голубя архетипичен. В удмуртском фольклоре голубь – птица, почитаемая людьми как священное, Божье существо, выступающее символом всего народа. «Дыдые, дыдыке!» («Голубушка!») – такими словами удмурты до сих пор называют любимую девушку, женщину, продолжательницу рода. Это может быть и ребенок, но в особенности такого обращения удостоивается единственная в семье дочь. Голубь – означает также семейный лад и согласие в роду. Природа в повести О. Четкарева одушевлена, наделена личностным началом.

Человек становится виновником того, что голубка теряет свое гнездо, семью, птенцов. Кондий убивает птицу. Гибель Сизарочки видится как нарушение природной гармонии, как обрывание связей между человеком и окружающим его миром. Закономерно возникают вопросы: а не погибель ли уготована народу, теряющему свои древнейшие связи с естественной средой? Есть ли будущее у удмуртов в истории человечества? Именно этот круг вопросов особо сильно заботит удмуртский народ в последние годы.

За образом разрушенного мира у О. Четкарева просматривается вера автора в будущее нации. Раздвоения и полеты Кондий, включая в себя разлад героя с собой и окружающим миром, одновременно означают и то, что человек еще не выявил глубинные основы своей души, у него есть возможность извлечь из ее потаенных глубин утверждающие начала. На путь духовного восхождения пытается наставить героя верующая соседка по коммуналке старуха Кирловна. В основе ее поучений – христианские заповеди. При всей противоречивости суждений автора о религии, обусловленных его не догматическим, а скорее, мо-

рально-этическим пониманием христианства, именно в христианской этике он стремится отыскать критерий истины. Писатель дает нам понять, что критическое состояние героя может стать началом процесса его приближения к вере. На взгляд О. Четкарева, соединение православного христианства и национальных традиций – это тот ориентир, на который необходимо опираться человеку в хаосе современного мира.

Для удмуртских писателей, стремящихся обратиться к первоначальным источникам естественного человеческого мышления, открыть читателю силу первоначального видения, ощущения, переживания народа, свойственно чувство принадлежности к общей родовой стихии и, одновременно, ощущение присутствия в мире высшей моральной силы, упорядочивающей законы вечной справедливости.

Повесть Никвлада Самсонова «Доля» посвящена проблеме наказания человека, перечеркнувшего законы совести, заглушившего в себе нравственные заветы предков, голос природы. Герой повести – палач, бывший сотрудник КГБ, старик Оберьян (Аверьян), оказывается перед финальным подведением итогов своей жизни. Однако мир мертвых отторгает Оберьяна, земля-матушка грехов этого страшного, бесчестного человека принимать не желает. С неотвязной кошмарной ясностью возникают перед ним лица умерших людей, судьбы которых он переломал, изувечил. Героя одолевают силы потустороннего мира. В разговорах Оберьяна с мертвыми обобщена идея родовой связи народа. Пренебрежение этим законом влечет за собой неминуемое наказание. Извечная субстанция реализуется в доле, роке.

Свыше послано герою возмездие за то, что нарушил незыблемые законы нравственности. Реальный мир становится для проклятого героя отражением ужасного ада мира. Самсоновский персонаж генетически предрасположен к злу и напоминает нечистую силу, его образ корнями уходит в национальный фольклор. Предметы, входящие в мир произведения, также рожают определенный ассоциативный ряд, восходящий к архаическим образам. С каждым из образов-знаков, введенных в текст повести, связано множество фольклорных

мотивов: с полнолунием — мотив оживления и активных действий всякой нечисти; с воротами, на которых не может удавиться Оберьян, — мотив границы между своим и чужим пространством, между жизнью и смертью; березу можно рассматривать как вариант мифического «древа», посредством которого душа замученного узника Васyleя общается с Оберьяном. Едва ли можно считать явлением случайным то, что писатель, рисуя картины детских лет героя, использовал художественный прием передачи характера юного Оберьяна посредством ассоциации его внутренних движений с повадками волка. Связь манер героя с ухватками волка отражает древнейшие тотемные представления. В старину волк воспринимался удмуртскими крестьянами как опасность: скопление волков в окрестностях деревни предвещало войну, вой волков пророчествовал голод или другую беду, алчность волка представляла большую угрозу для домашнего скота и т. д.

Один из главных структурных принципов художественного мышления повести связан с дуальным разделением. Осмысление судьбы реализуется в повести «Доля» через систему фундаментальных оппозиций: земное / небесное, бренное / вечное, жизнь / смерть, явь / призрак и др. Состояние природы и внутренние ощущения Оберьяна также построены на поэтике контраста. Природа в повести Никвлада Самсонова находится в величественном спокойствии, герой же не вписан во вневременную гармонию вселенской жизни, отвергнут всем окружением. Человек, несущий в себе зло, обрывает связи с космосом, ибо окружающий мир перестает освещаться светом, который он излучает. Герой повести «...диво, покойницей желтизной отливает. Такой же, как гробовые доски, они... лунные зайчики тоже в себе хоронят» [3, с. 219].

Повесть Никвлада Самсонова «Доля» — один из редких для удмуртской литературы примеров самобытного отражения мифологического сознания.

Для Г. Романовой особо привлекательными оказываются персонажи «низшей мифологии»: Вумурт (водяной), Нюлэсмурт (леший), Корка кузе (домовой), под ее пером обретают телесность и индивидуальные качества характера ведьмы, колдуны, хранители вещей, покровители домашних птиц и животных,

различные духи и т. д. Излюбленные герои-батыры проявляют себя в искушениях-испытаниях, выйти из которых победителями им помогают не физическая сила, но ум и природная одаренность, честность и порядочность. При этом их «советниками» выступают мудрые старцы, слова и действия которых обладают магической силой. В тексты сказок Г. Романовой в изобилии включены забытые удмуртские слова и выражения, восходящие к родовым традициям, используемые ею песни также относятся к старинным пластам национального фольклора.

Сказка «Черное озеро и Живая трава» отражает духовные, ментальные, социальные представления нации и народа. Братья-богатыри Пильып, Илья и Степан после смерти отца становятся богатыми людьми. Меж тем, каждый из них имеет свою тайную мечту. Старший сын Пильып желает стать таким знаменитым, чтоб весть о нем разнеслась по всему свету. Средний сын Илья жаждет подняться в звездные просторы, узнать тайны небесной жизни. А младшему Степану хочется вечно жить на земле, никогда не разлучаться с цветущими садами и зелеными лугами. Желания братьев могут быть исполнены лишь с помощью тайных сил, потому и обращаются они к кузнецу и крезьчи (гусляру). Древние удмурты мастерство кузнеца связывали с неземными тайнами («Кылзэ тодэ...» – «Слово знает...»). Напомним, что в «Калевале» кузнец Ильмаринен – сын Бога.

Старшие братья не могут освоить кузнечный промысел Силы Оле и музыкальное мастерство Даньло. Чтобы владеть всем этим, необходимо изначально родиться под определенным знаком. Таким человеком в сказке оказывается третий сын – Степан. На долю младшего сына выпадает ответственная роль спасителя своего народа от многовекового гнета колдуна Съод Кыля (Черная Зараза). У удмуртов, как и у многих других народов, числа 3 и 7 имеют магический смысл. До настоящего времени широко распространено поверье о том, что сказанное третьим и седьмым ребенком слово непременно исполняется, и что рожденные под этими числами люди обучаемы тайным знаниям. В сказке Г. Романовой своеобразно «обыгрывается» цифра 7. Корни Живой травы, с помощью которой можно победить колдуна, запутаны в 77 метрах, а еще нужно

сковать 76 железных стрел толщиной с иголку, а 77-ым должен быть скован меч. Необычную силу придает герою мелодия гуслей.

Младший сын Степан, освоив магические знания, становится лидером, наступает эра новой, счастливой жизни бессмертного народа. Добро побеждает зло, любовь к своему народу оказывается сильнее темных сил. Тем не менее, фантастические силы зла вносят в сказку «Черное озеро и Живая трава» элемент тревоги, ощущение непрочности и неустроенности мира и бытия.

Диалог удмуртской литературы с фольклором связан с желанием писателей не только выявить, но и защитить общечеловеческую мораль, отстоять необходимость соблюдения традиционных нравственных законов в современной жизни. В удмуртской литературе, как и в других национальных литературах народов России, обращение писателей к фольклору позволяет «не только раскрыть духовную и материальную традиции, но и зафиксировать-сохранить их в письменной форме, осознать менталитет своих сородичей, сделать их понятнее представителям иных культур» [4, с. 89].

Библиографический список

1. Владыкин, В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. / В. Е. Владыкин. – Ижевск: Удмуртия, 1994. – 384 с.
2. Зуева, А. С. Поэтика удмуртского романа. / А. С. Зуева. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 192 с.
3. Самсонов, Никвлад. Мой дом выше твоего: Повести, рассказы / Пер. с удм. А. Демьянова / В. Я. Самсонов. – Ижевск: Удмуртия, – 1995. – 480 с.
4. Хазанкович, Ю. Г. Фольклор и литературы народов Севера: особенности взаимодействия / Ю. Г. Хазанкович // Гуманитарные науки в Сибири. – 2007. – № 4. – С. 85–89.
5. Четкарев, О. Г. Крещение – грехам отпущение: Повести и рассказы / Перевод с удм. А. Демьянова / О. Г. Четкарев. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 256 с.

Bibliography

1. Vladykin, V. E. Religious and Mythological World View of the Udmurts. / V. E. Vladykin. – Izhevsk: Udmurtia, 1994. – 384 p.
2. Zueva, A. S. Udmurt Novel Poetics. / A. S. Zueva. – Izhevsk: Udmurtia, 1984. – 192 p.

3. Samsonov Nikvlad. My House is Higher than Yours: Stories, Tales / Translated from Udmurt by A. Demyanov / V. Y. Samsonov. – Izhevsk: Udmurtia, 1995. – 480 p.

4. Hazankovich, Y. G. Folklore and Literature of the North nations: Peculiarities of Interaction / Y. G. Hazankovich // The Humanities in Siberia. – 2007. – № 4. – P. 85–89.

5. Tchetskarev, O. G. Baptism is Absolution: Stories, Tales / Translated from Udmurt by A. Demyanov / O. G. Tchetskarev. – Izhevsk: Udmurtia, 1993. – 253 p.